

ЗНАКИ И СМЫСЛЫ: (ПЕРЕ-)ОСМЫСЛЯЯ ФРЕГЕ

УДК 003; 165.12

ЛЕНТА МЁБИУСА ПРАГМАСЕМАНТИКИ СМЫСЛА: ОТ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ СУБЪЕКТНОСТЬ В НИЧТО — И ОБРАТНО

Г. А. Тульчинский^{1, 2, 3}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Поступила в редакцию 23.02.2023 г.

Принята к публикации 25.05.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1

Автор предпринимает попытку систематически представить смыслообразование с точки зрения прагмасемантического подхода. Его применение открывает возможность показать, как взаимодействуют основные факторы смыслообразования – социально-культурные практики и субъектность. Их взаимодействие нелинейно: субъектность является результатом усвоения социально-культурного опыта и сопровождающей коммуникации нарративного формата. Самосознание Я – это результат социализации личности в ее рефлексивном самоописании. Тем самым оно образует «странную петлю» (Д. Хофштадтер), в которой внутреннее замыкается на внешнее, социальное – на индивидуальное. Так носитель самосознания обретает горизонт видения мира, уходящий за рамки физического присутствия, а с этим и способность не только к реагированию на ситуативность, но и к потенцированию ситуативности, прокреативного преадапционного реагирования на свое окружение. Субъектность – пластичная сущность, готовая к наполнению новым содержанием, способная к изменению, становлению иным. Главная идентичность самосознающей личности – самодостаточный знак самого себя как «человека без свойств». Человеческое бытие есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к перемене. Оно подобно пустоте, которая не уместается в знаки, блуждающий избыток, соединяющий несоединимое. В этой связи специальное внимание в статье уделено апофатической природе смыслообразования. Паузы, интервалы, разрывы, пробелы делают знаки знаками на фоне небытия. Субъектность выступает «пользователем пустот» как метаконтекст – источник, средство и результат смыслопорождения. Она сама является пробелом в бытии, как незаполненность, готовая к дополнениям и перезагрузкам незавершенность. В этой связи субъектность предстает универсальным интерфейсом с потенциально бесконечными взаимосвязями контекстов. Этот интерфейс реализует взаимодействие между реальным и любым иным возможным миром, позволяя переходить от ситуации физической действительности в воображаемую и наоборот, а то и рассматривать их одновременно.

Ключевые слова: апофатика, глубокая семиотика, культура, прагмасемантика, самосознание, смысл, субъектность

© Тульчинский Г.Л., 2023



Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος...

Вначале или в начале: фрегевская концепция смысла, необходимость уточнений

Как учили великие — Конфуций и Платон, — любое дело надо начинать с «исправления имен», то есть — с уточнения значения используемых слов. Применительно к данному случаю — со способов употребления ключевых терминов, задающих предмет обсуждения в этом тексте.

Прежде всего это «смысл» — слово, употребляемое в самых различных контекстах — от смысла слова и сказанной фразы до смысла происходящего и смысла жизни. Смысл — одно из ключевых понятий и логической семантики, и лингвистики, и искусствоведения, и теории коммуникации, и социальной психологии. Смысл и смыслообразование — феномены и понятия, фундаментальные для исследований культуры и ее динамики, которые связаны с осмыслением реальности, развитием социального опыта по адаптации к ней и ее изменению. Смыслообразование увязано с особенностями конкретного исторического опыта, формированием норм, мотивацией поступков, творчеством и девиацией.

Этот перечень можно продолжать и продолжать. Такая «многозначность» обусловлена природой этого феномена и концепта. Однако развитие символической логики, логической семантики, исследований искусственного интеллекта, теории и философии смысла породило за прошлое столетие критическую массу идей и разработок, вызывающих к обобщению и систематизации. Попытка наметить пути решения такой задачи предпринята в данной работе. При этом, как представляется, важно вернуться к «истокам», а именно — к концепции смысла, впервые сформулированной в конце XIX столетия Готтлобом Фреге.

Идеи Фреге, представленные прежде всего в статье «О смысле и значении» (Frege, 1892b), а также некоторых других работах (таких как «Функция и понятие» (Frege, 1891), «О понятии и предмете» (Frege, 1892a), «Мысль» (Frege, 1918–1919)), сыграли ключевую роль в логической семантике, философии языка, аналитической философии, если не европейской философии в целом (Куренной, 2018; Павлова, Чупахин, 2015). В первую очередь речь идет о знаменитом «треугольнике Фреге», представляющем соотношение знака (*die Zeichen*) как обозначения некоей предметности (*die Bedeutung*) и выражения смысла (*der Sinn*). Показательно, что в самой работе «О смысле и значении» никакого треугольника нет. Но удобная схема давно широко используется для иллюстрации фрегевской семантической модели.

На первый взгляд, этот схематизм — знак обозначает нечто и выражает смысл, понимание этого нечто — прост, удобен и универсален. Например, в традиционной логике он практически совпадает с различением объема и содержания понятий, связанных с терминами. Операция определения термина уточняет смысловое содержание понятия, а



отношения между понятиями сводятся к операциям с объемами понятий (включения, рода и вида, пересечения, исключения, обобщения, конкретизации, классификации), что проясняет связь формальной логики с теорией множеств и булевой алгеброй.

Заслугой Фреге является и то, что он применил этот схематизм не только к теории понятий (предикатов), но и к теории суждений (высказываний). В таком случае *die Bedeutung* высказывания связывается с его истинностным значением (истина / ложь), а *der Sinn* — с некоей мыслью. В этом плане получается, что все суждения могут обозначать только два предмета, причем — абстрактные: истину или ложь. Но зато в такой семантике все суждения и прочие логические конструкции увязываются возможностью эмпирической верификации их содержания — как соответствия или несоответствия миру в целом, что открыло дорогу логическому позитивизму (эмпиризму), доминирующему в современной науке. Более того, это позволило строить логический анализ как разновидность функционального, где в качестве аргумента выступает истинностное значение. Эту линию продолжил непосредственный ученик Фреге Р. Карнап в своем различении экстенционала и интенционала как предметного и содержательного аспектов понятийных структур (описаний состояния) универсума рассуждения.

В семиотическом плане главный вклад Фреге заключается именно во введении третьего (помимо означающего и означаемого) компонента семиозиса — смысла, который выполняет посредующую роль между знаком и означаемым, как способа данности этого означаемого. Предмет всегда дан, предстает в каком-то отношении, некоем ракурсе, конкретной перспективе или каком-то ракурсе. А поскольку отношения любого предмета могут варьироваться до бесконечности, постольку с любым предметом может быть связано бесконечное множество смыслов. Смыслообразование предстало ключевым моментом семиозиса, который не сводится к обозначению (*Bedeutung*, *reference*). Полноту семиозису придает именно порождение смысла (*meaning* / *sense*) вне зависимости от того, управляемый это человеком процесс или оно происходит само.

Смысл выступает результатом представления предметов, вещей, явлений — реальных и воображаемых, в контексте их данности или использования. Тем самым знак может иметь смысл, даже если он лишен означаемого. И это не только случаи кентавров, русалок, кольца всевластья, волшебной палочки, других персонажей и артефактов сказок и фантазий, имеющих свою непустую онтологию, но и понятия с пустым объемом — термины и выражения, существование *Bedeutung* которых в принципе невозможно («круглый квадрат», «соленый сахар» и т.п.). Отсутствие существования предметных значений таких знаков не только позволяет строить суждения типа «круглых квадратов не существует», но и рассуждать в стилистике нонсенса и абсурда (Тулчинский, 2022б). Без фрегевской семантической концепции непонятен прирост знания с помощью новых уподоблений, метафоризации. А такое приращение происходит вне зависимости от того, имеем ли мы дело с



одним и тем же предметом, имеющим разные смыслы, или с ситуацией, когда связь разных смыслов с одним и тем же предметом неочевидна и может быть установлена позже (как это было с Утренней звездой и Вечерней звездой как двумя смыслами планеты Венера).

Идея Фреге о смысле как способе данности предмета — одна из важнейших в европейской философии последних двух столетий. Ее роль и влияние прослеживается красной линией в преемственном творчестве таких мыслителей, как Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, Д. Агамбен. На способе данности и использования знака построена теория значения Л. Витгенштейна, Б. Латура.

Однако фрегевская концепция смыслообразования имеет ряд неоднозначностей. Так, референциальный (экстенциональный) характер развиваемого во фрегевском ключе логического анализа предполагает непустоту предметной области, что плохо стыкуется с посредующей ролью смысла. Это породило нетривиальную проблему логического анализа неэкстенциональных (модальных, эпистемических и проч.) контекстов, проблему применимости стандартной кванторной логики в модальной логике. А обоснование логического анализа таких контекстов с помощью семантики возможных миров (описаний состояния) свело трактовку операторов модальностей и эпистемических установок к квантификации по возможным мирам.

Определенную роль сыграли и неоднозначные переводы ключевых фрегевских терминов. Так, *die Bedeutung* (значение) переводится на английский то как *reference* (обозначение, предметное значение), то как *meaning* (смысловое значение). *Der Sinn* (смысл) — как *meaning* (как смысл в лингвистическом плане) и как *sense* (смысл в ментальном плане). Гуссерль — непосредственный ученик Фреге — предложил означаемое (*Bedeutung*) называть «предметом», а понятия «смысл» и «значение» использовать как синонимы. Имеются и другие терминологические вариации фрегевской триады.

Такой разноречивой терминологии и толкований представляется неслучайным. Во фрегевской концепции смысла есть некая фундаментальная двойственность. С одной стороны, речь идет о способах данности, то есть объективных факторах. С другой — при всей строгости Фреге, структурной ясности модели семантики знака, трактовки *Bedeutung* как указываемой предметности (*reference*) — проявляется некий психологизм в трактовке *Sinn*, нечто «человеческое, слишком человеческое». Смысл — порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира. И вынужденной делать это всегда с какой-то конкретной позиции, в каком-то определенном ракурсе, с какой-то точки зрения, с какой-то целью, другими словами — «в каком-то смысле». Именно такой системой является человек — существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и ее выбора. В этом плане смысл — принципиально человеческое проявление, измерение бытия. Вне наделенного самосознанием человека смысла нет — только детерминации, причинно-следственные связи. Но насколько эксклюзивно антропологична субъектность?



В данной статье предпринята попытка преодолеть фрегевскую двойственность концепта смысла, проследить общность, взаимосвязь и взаимозависимость в смыслообразовании факторов социально-деятельностной детерминации и субъектности.

Основанием такого обобщения, как представляется, может выступать семиотика, точнее – ее расширения в формате глубокой семиотики (deep semiotics), стереометрического семантического синтеза (stereometric semantics) и прагмасемантики (pragmasemantics). Причем особый интерес вызывает именно прагмасемантический подход, так как он позволяет нащупать платформу, интегрирующую необходимое обобщение.

Глубокая семиотика и стереометрическая семантика

Обоснованием предлагаемого подхода могут служить несколько обстоятельств. Прежде всего, как уже говорилось, смысл связан с определенной позицией, которую М.М. Бахтин характеризовал как «позицию вненаходимости» (Бахтин, 1979, с. 79): чтобы давать возможность некоего обобщения ситуации, свойств, отношений предмета, эта позиция должна быть внешней по отношению к нему, выводить в контекст рассмотрения. Так, смысл слова выявляется из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста его использования. Аналогично и поиск смысла жизни выводит за рамки индивидуального существования, погружая его в различные «контексты»: рождения и воспитания детей, религии, служения политической или научной идее.

Выбор такой «позиции вненаходимости» (contextual out) делает смысл интенциональным и телеологичным, связывая его с целесообразными социально-культурными практиками. Отсюда и «многосмысленность смысла», которая обусловлена многообразием культур, соответствующих социально-культурных практик.

Поэтому идея интенциональности смысла как заданности использования предметов и знаков может быть представлена в контекстах функциональных систем, порядков, фреймов, паттернов (Латур, 2014; Гофман, 2004; Соколов, 1972), социальных практик. Обобщением этих подходов стала концепция ценностно-регулятивных систем (ЦРС), которые определяются ценностями (целями) деятельности; нормами, правилами, регулирующими осуществление деятельности; ресурсами (наличными средствами, обеспечивающими возможность осуществления деятельности); способом организации деятельности, включая коммуникацию. (Тульчинский, 2019б). Конкретными ЦРС выступают формы занятости, досуга, научной деятельности, виды и жанры искусства, обыденной жизни. Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества – националь-



ные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

В результате культура предстает системой порождения, отбора, сохранения, трансляции и воспроизводства социального опыта. Как система ЦРС она выступает в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» — недаром Ю. М. Лотман определял культуру как систему негенетического наследования информации о поведении. (Лотман, 2000, с. 8). Именно участием в ЦРС осуществляется социализация личности, усвоение ею соответствующих программ социального опыта, включая устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально значимых целей, свой канон осмысления (логономию) (Ильин, 2020; Фомин, Ильин, 2019). Без носителей культуры — социализированных личностей — культура мертва. Это с одной стороны. А с другой — культура, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации, уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. Эта уникальность воплощается в субъектности, самости — главном источнике пластичности и динамики человеческой цивилизации, обеспечивающем ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). Так мы подошли к субъектности — третьему, ключевому для данного рассмотрения, аспекту «человекомерности смысла».

Возможность детализации концепта смысла и механизма семиозиса дает расширение и дополнение традиционной семиотики — как *semiotics* (восходящей к алгебре отношений Ч. С. Пирса и американскому прагматизму) или как *semiology* (восходящей к Ф. де Соссюру и французскому структурализму) — «глубокой семиотикой» (*deeper semiotics*), восходящей к традициям герменевтики, филологии В. Гумбольдта, Ф. Фосслера, идеям и работам Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, испытавших влияние имяславия С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, А. Ф. Loseва, а также работам советских психологов Л. С. Выготского, А. Н., А. А. и Д. А. Леонтьевых. Речь идет о различении в структуре смысла (фрегевского *Sinn*) относительно устойчивого социального значения, закрепляемого практиками социальной коммуникации, и вариативного личностного смысла. В свою очередь, в содержании социального значения можно различать предметное и функциональное значение, связанные с предметом и способом конкретной социальной деятельности.

Нетрудно заметить, что отмеченные два компонента социального значения соответствуют объему и содержанию понятия, а предметное социальное значение — соответствует предлагаемому И. Д. Невважаем смыслу значения. Важно также, что предметное значение может быть как собственным (в случае артефактов культуры, инструментов дея-



тельности, рассматриваемых как знаки), так и несобственным (например, в случае языковых знаков, отсылающих к предметам, вещам, артефактам, явлениям).

В свою очередь, в личностном смысле вычлняются оценочное отношение и переживание определенной деятельности (где важную роль играет возможность ее повторяемости, ритмичности). Главное, все эти компоненты смысловой структуры связаны с практиками социальной деятельности как способами данности, контекстами смыслообразования. Предметное значение связано с предметным содержанием, функциональное — со способом деятельности, а личностный смысл — с оценочным отношением к ней и ее непосредственным переживанием (*experience*) или сопереживанием (эмпатией).

Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе из взаимосвязи и взаимобусловленности. Последовательное прохождение от материальной формы знака через предметное значение, функциональное значение, оценочное отношение до переживания дает представление о понимании, осмыслении, распределении, субъективации выраженного в знаковой системе смыслового содержания социального опыта. В этом плане выделенные компоненты смысловой структуры предстают также уровнями герменевтического осмысления — идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием). А встречное прохождение — от переживания через оценочное отношение, функциональное и предметное социальное значение к материальной форме знака — демонстрирует объективацию, опредмечивание опыта, процесс воплощения смыслового содержания социального опыта в семиозисе (Тульчинский, 2018; Тульчинский, 2019а; Тульчинский, 2019б).

В недавней публикации И.Д. Невважай поставил вопрос о необходимости перехода анализа от структуры семиотических систем к их динамике, ключом к которой является распределение влияния смысла как на значение, так и на сам знак. В раскрытии этого влияния Невважай опирается на дополнение фрегевской семантической модели смыслом знака и смыслом значения. А само пространство смысловой динамики он связывает с сознанием и его двумя характеристиками (способностями) — интенциональной и респонсивной. Первая обеспечивает интерпретацию смысла, вторая — его выражения (Невважай, 2023).

Эти задачи решаются в рамках глубокой семиотики, которая дополняет и развивает традиционную теорию знаков персонологическим вектором (измерением) семиозиса. Поэтому ее концепция в своей начальной формулировке, представленной выше, достаточно выражено «человекомерна». Однако, как будет показано далее, она может служить мостом к следующему уровню обобщения. Важно тем не менее, что глубокая семиотика не распределяет, а детализирует синкретичный *der Sinn* Фреге, раскрывая механизм динамики смыслового комплекса и сопряжение в этой динамике активной роли как социальной практики, так и акторов и их субъектности.



Кроме того, деятельностно-практическая природа социального значения позволяет преодолеть референциально-экстенционалистскую ограниченность семантики логического анализа. Речь идет о дополнении семантического оценивания суждений на соответствие реальности (истинность / ложность) соответствием целям деятельности и правилам ее осуществления. Такая трехмерная «стереометрическая» семантика не только соответствует структуре любой социально-культурной практики, имеющей цели, правила (нормы) и ресурсы реализации, но и реализует тем самым ценностно-нормативный синтез осмысленного знания, сближая научное знание с другими формами знания — научными, техническими, политическими, моральными, художественными, образовательными, экономическими идеями. В данной работе не будем углубляться в эту перспективу, тем более что она была достаточно освещена ранее (Тульчинский, 2019б).

Прагмасемантика смысла

Выделенные три «человекомерных» аспекта смысла — «аутичность» (необходимость внаходимости), контекстуальная интенциональность (телеологичность, зависимость от социально-культурных практик) и роль субъектности — принципиально важны для смыслообразования. Проявление механизма их взаимосвязи и является главной целью данной работы. Эскизно эта связь уже была прослежена в начале статьи. Дальнейшее прояснение предполагает подход, который мог бы дать некий «общий знаменатель», концептуальную платформу сведения трех выделенных аспектов в общую систему взаимодействия. В качестве такого подхода предлагается концепция «прагмасемантики» (Zolyan, 2021, p. 247–248) как комплекса и интерфейса смыслообразования, увязывающего анализ содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования. Предпосылки такого подхода были разработаны международным коллективом в рамках исследования механизмов смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (Между миром и языком, 2022). Наиболее полно концепция прагмасемантики с детальной расстановкой принципиально важных акцентов семиозиса представлена С. Т. Золяном в его публикации в «Вопросах философии», в которой очень точно расставлены принципиально важные акценты семиозиса (Золян, 2023а). С. Т. Золян представляет прагмасемантику не просто как буферную или пограничную зону, а именно как особую область, в которой создаются смысловые структуры, как каскад интерфейсов, репрезентирующий отношение между миром, языком и культуральным контекстом. При этом прагматика как таковая не связывается с антропоморфным субъектом, наделенным сознанием. Речь идет именно о контекстах использования знаков и знаковых систем. И этот контекст воплощен, впаян в материальную форму знака. Грубо говоря, болт помнит, что он болт, а гайка — что она гайка.

Любая система обладает интенциональностью — как стремлением системы сохранить свою целостность. Это проявляется не только в био-



системах (витальность), но и в физических, химических, космических образованиях. Различия — в конкретике систем. Любая система с отрицательной обратной связью, выстраивающей ее гомеостаз, порождает квазисубъекта (в терминологии Ч.С. Пирса) как регулятора интенциональности. Р. Деннет и А. Дамасио называют такие состояния базовой, первичной формой сознания, над которой надстраиваются все более сложные формы — в силу нарастающей сложности систем — вплоть до рефлексии в духе математически описанной «странной петли» (strange loop) Р. Хофштадтера (Хофштадтер, 2022).

Прагмасемантика есть игра интерфейсов контекстов этих практик (паттернов, фреймов). Но фактор динамики, смены, совмещения таких контекстов ставит проблему универсального интерфейса, реализующего такую динамику. И пока известен только один подобный универсальный интерфейс — личностная субъектность. Ее роль — суперактуальная проблема в связи с расширением цифровых (формализованных, математизированных, алгоритмичных) форматов коммуникации, пронизывающих практически все сферы современной социальной жизни.

Поэтому вполне логично С.Т. Золян включает в прагмасемантику принципиальную для смыслообразования роль субъектности, которую он связывает с ключевым для прагмасемантической системы оператором — местоимением «Я». Оно не только указывает на говорящего, относительно которого задаются остальные координаты контекстуализации (место, время, мир); оно одновременно задает границу между различными семиотическими структурами, это уже иное «Я», семиотическое «Я», которое есть отношение между некоторой знаковой структурой и описывающей его мета-структурой. (Золян, 2023а, 2023б). Это уже субъектность, порождающая предмет суждения (высказывания). Как известно, в логике субъектом называется предмет суждения, которому приписывается предикат. И мы, таким образом, имеем дело с самопорождением автора и предмета семиозиса, их совпадением.

Субъектность — точка склейки ленты Мёбиуса, «странной петли» Хофштадтера — точка входа в герменевтический круг смыслообразования. Она предстает блуждающим аттрактором, универсальным интерфейсом смыслообразования. В этом плане она удивительно напоминает гуссерлевского трансцендентального субъекта, каковой у Гуссерля не психосоциальная личность, а что-то вроде слепого пятна в глазу, которое само не наблюдаемо, но без которого зрение невозможно. Поэтому дальнейшее рассмотрение «имеет смысл» продолжить именно фактором субъектности. И такое рассмотрение в целях большей ясности оправданно вести в «человеческом», имея в виду возможность выхода за этот горизонт обобщения.

Субъектность как фактор прокреативности смыслообразования

Представления о субъектности, о таких ее проявлениях, как самосознание и свобода воли, не только определяют основное содержание гуманитарного знания, теорию и практику морали, политики, права, ху-



дожественной культуры, воспитания, образования в целом, но и, можно сказать, определяют сердцевину антропологического содержания нашей цивилизации.

Ключевыми они являются, таким образом, и для динамики смыслообразования. Если смысл открывает вход в пространство динамики семиозиса, то проследивание этой динамики нуждается в некоем пространстве ее проявления. И первое, что напрашивается в качестве аппарата описания такого пространства, — это феноменология сознания. И такая феноменология не сводится к реализации гуссерлевского подхода, который сам в этой связи заслуживает нового прочтения, выводящего семиозис за рамки гуссерлевских плохо операционализируемых концептов.

Самосознание есть осознание себя как чего-то особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке, рефлексия. В сочетании с активацией себя как актора — оно образует самость («яйность», *die Ichkeit, I-concept*). А если я осознаю себя плюс собственную ответственность за факт бытия своего Я и за проявления этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и составляет проявление субъектности — ответственного самосознания самости.

Собственно, именно наличие развитой субъектности выделяет человека из животного мира, в котором можно найти проявления «прото-сознания» (*proto-self* — как *bios* живого организма) и «базового сознания» (*core self* — как чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики) (Damasio, 2010).

В рамках нашего рассмотрения важно, что самосознание возникает в процессе социализации, освоения личностью социально-культурных практик, сопровождаемого дискурсивной коммуникацией, в которой родители, учителя, вырывают личность из причинно-следственных связей, замыкая их на ней, делая актором, *causa sui*, причиной происходящего. И к третьему году жизни ребенок осваивает наррацию от 1-го лица, являющуюся текстологической основой самосознания и памяти.

Таким образом, фактически субъектность — эпифеномен культуры. Главное в субъектности — взятие индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти (наверное, это имеет в виду И.Д. Невважай, говоря о «респонсивной функции» сознания). И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М.М. Бахтин в своих размышлениях о том, что сознание, разум не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее (Бахтин, 1986). Вторична по отношению к ответственности и свобода — «богоподобная» способность, добытийный и внебытийный источник бытия, чувствилище трансцендентного (Бердяев, 1989). Свобода — не «дыра в бытии» (Н.А. Бердяев, Ж.П. Сартр), а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот — результат социализации, (не)лишний раз подтверждающий, что человек — существо социальное.



Более того, этот эпифеномен социальной аккультурации дает возможность его носителю выстраивать целостный осмысленный нарратив самосознания, «роман своей памяти», возвращаясь к его началу и переписывая начальные «главы» (Хенрих, 2018). Речь идет о целостной, но незаконченной и неполной системе, открытой к новому развитию, выбору ситуации и места в ней, дающих возможность нахождения вне ситуаций и между ними, а значит — и смены контекстов, то есть перехода от одной социально-культурно практики к другой, а то и создания новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности — главные характеристики субъектности, которая оказывается прагмасемантическим универсальным интерфейсом, реализующим взаимодействие между индивидуальным и социальным, реальным и воображаемым, переход от ситуаций физической реальности к реальности надежд, тревог, желаний, — и наоборот.

Ход рассуждения возвращает нас к механизму динамики смыслообразования в соотношении социальных практик и субъектности как порождения и фактора развития этих практик.

Синхрония и диахрония связи социального и субъектного планов смыслообразования: глубокая семиотика

Соотношение и взаимосвязи социального и субъектного аспектов (факторов) смыслообразования не исчерпывается порождением субъектности в процессе освоения социально-культурных практик, сопровождаемого освоением нарративной коммуникации. Оно проявляется и в развитии самих этих практик, в котором нетривиальное значение имеет обратное влияние.

Структурно-синхронически это выражается в смысловом содержании знаковых систем культуры, как это представлено в рассмотренной выше концепции глубокой семиотики. Если традиционные семиотика и семиология ориентированы на выявление, анализ смысла в «готовых», уже данных знаковых системах, а социальная семиотика М. Халлидея ограничивается рассмотрением социальных контекстов (паттернов, фреймов), то «глубокая семиотика» переходит от синхронического анализа к анализу диахронии, динамики развития знаковых систем, позволяя интегрировать междисциплинарные возможности такого анализа, и, что особенно важно, открыть перспективу расширения анализа смысла до процессов его воплощения.

Например, диахрония личностных смыслов и социальных значений проявляется в развитии ЦРС культуры, их институционализации — в соотношении в этом процессе смыслового и социально-организационного аспектов.

Начинается этот процесс с появлением некоей сугубо личностной идеи, мысли, образа, которые могут так и остаться фактом личностного переживания — не более. Но если человек делится этой идеей с другими, может возникнуть некое общее понимание. Все может остановиться и на этом уровне, но не исключено, что на базе общего понимания воз-



никнет регулярное неформальное общение (встречи, переписка и т. п.). Такое общение может перерасти в достаточно формальное, систематизированное общение (семинары, конференции, клубы), могут появиться лидеры, программы, манифесты, вербовка сторонников. В какой-то момент у такого сообщества возникает потребность в медийных ресурсах, финансировании, помещении, здании и т. д. Появляется менеджмент, хозяйственное содержание и т. д.

В этой динамике способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимостимулируют друг друга: динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации от идеи и неформального общения по их поводу до развитых институтов (вплоть до организаций и учреждений) — в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. При этом особого внимания заслуживает практика повторов переживаний (ритмики, обрядов, ритуалов, устойчивых паттернов) в формировании и закреплении смысловых структур в социальной и личной культуре.

Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны, все более распределенному, а с другой — формирующему общности единомышленников вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних — социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институционные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С. Тулмин, каждое научное понятие — это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние — суть институционализированные понятия (Тулмин, 1984, с. 155–156). Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, развиваемый подход дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) — как формируются социальные институты.

В институциональной форме в смысловых комплексах уже четко разделяются целевые, нормативные и фактологические аспекты, задаваемые соответствующими компонентами ЦРС как контекста смыслообразования. На первых стадиях оценки, нормы и описания еще синкретичны, слабо отрефлексированы. Так, политические, научные, художественные идеи суть одновременно и характеристики реальности, и выражение ценностной позиции, и программа действий по ее реализации. Аналогично и для ребенка его игрушки, другие вещи суть именно воплощенные идеи — реальность, взятая в контексте различных программ манипулирования ими. И в этих случаях можно говорить о составляющих измерениях ценностно-нормативного синтеза осмысленного знания, использовать аппарат стереометрической семантики (Между миром и языком, 2022).



При этом важно понимать, что ключевую роль в этой динамике играет личностное (субъектное) осмысление с его возможностями использовать отклонения, перестановки, сами контексты, менять правила игры, выходя в позицию «внеаходимости».

Субъектность и апофатика

Проведенное выше рассмотрение представляет версию операциональной конкретизации прагмасемантики как интерфейса текстуализации смыслообразующих контекстов. Однако ценностно-нормативный синтез знания, роль и динамика в этом процессе ЦРС представляют смыслообразование «от 3-го лица» — как «на входе» (с позиции адресанта), так и «на выходе» (с позиции адресата) коммуникации.

Предлагаемый подход при этом ограничивается производством и воспроизводством определенных ситуаций, когда смысл предстает некоей ситуационной социальностью, моделируемой до автоматизма, с минимальной ролью, если не элиминацией субъектности. Между тем самое важное и интересное в динамике смыслообразования — это именно выбор определенной конкретной ситуации и места в ней, выход за ее рамки, смена контекстов, то есть переход от одной социально-культурно практики к другой, а то и создание новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности, по сути дела, являются характеристиками субъектности.

Природу субъектности довольно удачно представил Д. Хофштадтер в вышеупомянутой модели «странной петли», образуемой замыканием системы означающих при ее самоописании в духе известных парадоксально самопорождающих гравюр М. Эшера (Хофштадтер, 2022). Это и есть трансцендентальный субъект — точка сборки субъекта, в которой соединяется перекрученная «петля Мёбиуса» бытия. Самосознание самости, будучи результатом социализации личности, в своем рефлексивном самоописании замыкается на себя, оказываясь интерфейсом, реализующим взаимодействие между реальным и любым другим возможным миром, переход от ситуаций физической реальности к воображаемой — и обратно, а то и позволяющим рассматривать их одновременно. Недаром в хайдеггеровском выражении человеческого бытия как *Dasein* (вот-бытие) местоимение *da* имеет два значения — «здесь» и «там» (как, впрочем, и амбивалентное русское «вот») (Хайдеггер, 2015).

Субъектность, представленная в *Dasein*, — не субъект, наблюдающий и «отражающий» реальность, не отражающее ее сознание. Это процесс, реализующийся одновременно во внутреннем и внешнем мирах посредством их единого описания на основе единого онтологического (экзистенциального) допущения. Такие *ontological commitments*, *existential assumptions* о непустоте предметной области и обеспечивают возможность содержательных рассуждений в логике. Собственно, именно этот онтологический импульс «да будет» лежит в основе многих



практик — от молитвы матери о возвращении сына с фронта до возгласа ученого, ставящего эксперимент. И в том и в другом случае реализуется импульс «да будет так!» — различие состоит в степени активности подготовки возможной реализации предполагаемой ситуации.

В «странной петле» самосознания внутреннее замыкается на внешнее, социальное на индивидуальное. Тем самым носитель самосознания обретает горизонт видения мира, уходящий за рамки физического присутствия, а с этим и способность не только к реагированию на ситуативность, но и к потенцированию ситуативности, прокреативного преадаптационного реагирования на свое окружение (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Человек как открытая целостность, 2022). Тем самым субъектность — эта точка сборки свободы и ответственности — в ее постоянной готовности и даже стремлении стать иным, другим, выступает универсальным интерфейсом порождения осмысления и смыслообразования.

Фокусировка этой петли, подобно центру тяжести тора, находится вовне любой ситуации, в пустоте аута бахтинской внеаходимости. В философии и эстетике давно отмечается творящая роль пустоты, «использование пустоты как источника энергии для воображения» (Шурипа, 2021, с. 20), позволяющей видеть эстетические объекты, этические жесты, эмоциональные оценки и прочие оттенки осмысления. На этом строится «негативная диалектика» творчества у Т. Адорно, ее современное развитие и расширение на материале художественного творчества и политики (Магун, 2020; Magun, 2013).

Пустота, незаполненность субъектности как «человека без свойств» с его изначальной «нехваткой» отрицает реально существующее, предполагая заполнение этой пустоты, создающее питательную среду прокреативности. Это проявляется в самых различных форматах от нонсенса до революции. Наиболее характерным примером является художественное творчество с его преодолением барьера существующего и переходами от созерцания существующего только в воображении (не существующего, ничто, взывающего к осуществлению) к его воплощению. Как писал еще Леонардо да Винчи, «среди всех вещей... существование ничто — величайшее. Оно... захватывает все минувшие дела и грядущие, как природы, так и существ одушевленных и ничего не имеет от неделимого настоящего. Оно не распространяется на сущность какой-либо вещи» (Леонардо да Винчи, 2010, с. 162). Не будучи причастным ничему, не раскрывая сущность вещей, ничто создает бэкграунд, условие их постижения.

Особого внимания в этой связи заслуживает роль отрицательных высказываний — не как отрицающих существование и параллельно утверждающих пустоту предметной области (Бродский, 1973), а как дополняющих универсум рассуждения носителями отрицательных предикатов (Тульчинский, 2022б) — пока еще позитивно не явленных в этом мире — с нагружением некими новыми предикатами: отрицание *не столы* — как утверждение *не-столы*, то есть дополнение столов до полного универсума, включая прочую мебель, всех живых существ, космические тела, абстрактные объекты etc.



Это вполне соответствует идее Ф. де Соссюра, что язык — замкнутая на себя структура, в которой внутренние различия между означающими важнее внешних связей с означаемыми (Соссюр, 1999, с. 119). Другими словами, для Соссюра в языке главное не референциальность (связи означающих и означаемых условны, будучи обусловлены использованием языка), а дифференциальность означающих, то есть пробелы, паузы, дистанции, пустоты. Поэтому, даже в плане трактовки смысла из структуры организации текста, в самом конструировании смыслопорождающего текста ключевую роль играют пробелы (Эпштейн, 2004), дающие возможность выстраивания различных смысловых пазлов. И носителями такой возможности выступают именно пробелы и пустоты.

Именно паузы, интервалы и делают знаки знаками, позволяют понимать смысл знака, который всегда отделен от других знаков на фоне небытия. Такая причастность знаков к небытию дает возможность читателю, слушателю зрителю мысленно комбинировать их и переноситься в другие реальности, не теряя себя, а наоборот — задавая новую точку зрения, новый ракурс и позицию, утверждая свою субъектность.

Вообще всякому смыслу предшествует ничто — оно до и после каждого *dixi*. Да и коммуникация не сводится к «доставке» смысла от источника к адресату или простому обмену смыслами. Возможна и «экс-коммуникация» (Galloway, Thacker, Wark, 2014) — умолчания, а то и отказ от коммуникации, вплоть до «отмены» (canceling) потенциально партнера. Но и такое отсутствие «смыслового обмена» предполагает домысливание, наполнение пустоты каким-то своим контентом.

Показательна критика постмодернистского релятивизма со стороны А. Бадью: истина укоренена в идее пустого множества, которое, не имея воплощения (образа, места), присутствует между любыми числами, сколь угодно близкими в числовом континууме, представлено в любом множестве, позволяя различать его элементы. В этой связи Бадью провозглашает универсализм, но не позитивный универсализм Нового времени, а универсализм разрыва, отсутствия, пустоты, задающей возможность любой ситуации (Badiou, 2007).

В качестве такового «пользователя пустотами» и выступает субъектность, гуссерлевский трансцендентальный субъект, носителем которого является каждый человек, обладающий самосознанием самости. В этом плане личностная субъектность предстает как метаконтекст — источник, средство и результат смыслопорождения. Согласно В. В. Налимову, смыслообразование аналогично порождению элементарных частиц при воздействии энергетических импульсов на физический вакуум. Так и при смыслопорождении мы имеем дело с «семантическим континуумом», в котором «есть всё». А конкретные «распаковки» смыслов образуются при воздействии на него вероятностного фильтра « μ -функции», в качестве которой Налимов рассматривает личностную индивидуальную субъектность (Налимов, 1974; 2007).



Субъектность сама является пробелом в бытии, она есть незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам. Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Главная идентичность самосознающей личности — «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. В духе Бадью, субъектность — подобно пустоте, которая не уместается в знаки, блуждающий избыток, соединяющий несоединимое. Будучи порождением телесности, социализации, языка, субъектность, как универсальный интерфейс, сводит их, используя как опции в смыслообразовании. «Я» — самоозначающее без жестко определенного означаемого, самодостаточный знак самого себя, как «человека без свойств», пластичной сущности, готовой к наполнению новым содержанием, способной к самоизменению. Можно сказать, что субъектность — ничто, творящее осмысленное нечто из ничто.

Как самосознание самости, субъектность есть рефлексивное само-описание или самоописывающая рефлексивность, то есть система противоречивая, что является азами возникновения и развития логической семантики начиная с теории типов Б. Рассела, теоремы К. Гёделя, концепции логической семантики А. Тарского. Как противоречив фольклор, дающий примеры осмысления любому случаю из жизни («семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет»), так и способы философствования, претендующие на систематическую универсальность, вроде гегелевской, начинают с противоречия. А Фихте в своих «основах наукоучения» начинает с Я, творящего из ничто. С меона (ничто) начинает развертку семиозиса А.Ф. Лосев (Лосев, 1999), испытавший серьезное влияние русского имяславия с его неоплатонистской установкой порождения нечто из саморазличения ничто. Подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, является условием феномена зрения, так и субъектность — точка сборки свободы и ответственности — есть ничто, творящее смысл из ничто, означающее без означаемого, порождающее означаемые.

Механизм этой роли субъектности до сих пор действовал и действует как «человеческий, слишком человеческий». Однако бурное развитие самообучающихся нейросетей искусственного интеллекта позволяет говорить об общей семиотической природе смыслопорождения. Предметность (*reference*) порождается самозамыканием цепочек означающих в парадоксально целостные петли Д. Хофштадтера, М.К. Эшера, ДНК. Самозамыкание каузальностей, порождающее означаемое *causa sui* (*reference, die Bedeutung*). А вот *sense, Sinn* возникает как оплотнение другими, за счет копуляции в *puzzle*. *Reference* телесно в том смысле, что самореферативно (генетический код, вирус, город). Так из бесконечности пакуются конечные телесности, которые потом могут распаковывать бесконечное разнообразие смыслов (в духе Налимова). Чтобы самой *reference* распознать себя, необходим выход в *out*, в позицию вненаходимости, во внешний контекст. И *absolute Out is God*. Дух над



бездной Ничто. И в начале было Слово! Наверное, этот тот случай, когда можно говорить об «образе и подобии» в человеческой природе, а сама эта метафора предстает ключом к пониманию природы смыслообразования. Как писал Г. С. Померанц, бытие коренится в сердце души человеческой. А та (субъектность, образовавшаяся в словесной коммуникации!) оказывается чувствилищем свободы — трансцендентного, добытийного и внебытийного источника (потенциатора) бытия.

Похоже, что европейская мысль, начинавшаяся в Новое время с катафатического преодоления традиционного христианского апофатизма, возвращается к истокам, так как апофатическая установка оказывается обобщением катафатической (Гульчинский, 2022a), и позитивное научное знание приступает к разработке конструктивного содержания апофатики. А смыслообразование предстает довольно строгим алгоритмом, задаваемым контекстом соответствующих социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как источника прокреативной преадаптации системы этих практик.

Ergo: вместо заключения

Проведенное рассмотрение возможности прагмасемантического подхода, позволяющего систематически представить целостный процесс смыслообразования, открывает нетривиальный междисциплинарный потенциал, важный для развития не только гуманитаристики. Реализация прагмасемантической концепции смыслообразования позволяет говорить об основаниях междисциплинарного синтеза (конвергенции) научного знания, открывая новые перспективы, возможности логико-семантического обоснования практических рассуждений, философии поступка как вменяемого действия, метафизики свободы и ответственности, ценностно-нормативного анализа культурогенеза, соотношения рациональности и эффективности, гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга.

Для современной ситуации тотальной цифровизации и перспективы постчеловечности все более востребованной становится гуманитарная экспертиза. Тем самым практическая философия смысла в новом качестве возвращается к своему истоку субъектности. Гуманитарное знание необходимо в научно-технических разработках, а традиционный технологический инжиниринг расширяется до социально-культурного инжиниринга. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но пока еще зависимый от человека и его целей.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» (<https://rscf.ru/project/22-18-00591>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининград.



Список литературы

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М., 2018.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
- Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
- Золян С. Т. Прагматика как самопорождение субъекта // Вопросы философии. 2023а. № 7. С. 93–103. doi: 10.21146/0042-8744-2023-7-93-103.
- Золян С. Т. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023б. № 2. С. 26–39. doi: 10.31912/pvrl-2023.2.2.
- Ильин М. В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия // Социальная семиотика: точки роста. СПб., 2020. С. 30–32.
- Куренной В. Семантический треугольник Готлоба Фреге. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154781> (дата обращения: 01.02.2023).
- Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- Леонардо да Винчи. Избранные произведения : в 2 т. М., 2010. Т. 1.
- Лосев А. Ф. Философия имени / Самое само : сочинения. М., 1999.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.
- Магун А. В. Искус небытия: Энциклопедия диалектических наук. СПб., 2020. Т. 1 : Отрицательная эстетика.
- Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте / под ред. С. Т. Золяна и Г. Л. Тульчинского. Калининград, 2022.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 2007.
- Невважай И. Д. Смысл знака и смысл значения в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 29–38.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Павлова В. Д., Чупахин Н. П. От философии смысла к философии культуры // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (21). С. 50–55.
- Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
- Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
- Тульчинский Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 4. С. 15–26.
- Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019а. № 11. С. 115–125.



Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб., 2019б.

Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ // Политическая концептология. 2022а. №3. С. 29–48.

Тульчинский Г.Л. От Слина к Кэрроллу и обратно. Апофатика и нонсенс как предпосылки логического анализа // Логико-философские штудии. 2022б. Т. 20, №2. С. 23–53. doi: 10.52119/LPHS.2022.50.23.004.

Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, №4. С. 123–141.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015.

Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М., 2018.

Хофштадтер Д. Я – странная петля. М., 2022.

Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск, 2022.

Шурина С. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. СПб.; М., 2021.

Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

Badiou A. Being and Event. N. Y., 2007.

Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. N. Y., 2010.

Frege G. Function und Begriff. Vortrag gehalten in der Sitzung vom 9. Januar 1891 der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft. Jena, 1891.

Frege G. Über Begriff und Gegenstand // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1892а. Bd. 16. S. 192–205.

Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892б. Bd. 100. S. 25–50.

Frege G. Der Gedanke: Eine logische Untersuchung // Beiträge zur Philosophie des Deutschen Idealismus. Erfurt, 1918–1919. Bd. 1. S. 58–77.

Galloway A. R., Thacker E., Wark M. Excommunication. Three inquiries in media and mediation. Chicago, 2014.

Magun A. Negative Revolution. Modern Political Subject and Its Fate after the Cold War. L.; N. Y., 2013.

Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions // Studies at the Grammar-Discourse Interface / ed. by A. Haselow, S. Hancil. Amsterdam, 2021. P. 245–271.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.





THE MOBIUS STRIP OF THE PRAGMASEMANTICS OF SENSE:
FROM CULTURE THROUGH SUBJECTIVITY
TO NOTHINGNESS AND BACK

G. L. Tulchinskii

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia
Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia,
16 Soyuza Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Submitted on 23.02.2023

Accepted on 25.05.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1

The author endeavors to systematically present sense formation through the lens of the pragmasemantic approach. It enables the demonstration of how the primary factors of sense formation, socio-cultural practices and personal agency interact. Their relationship is non-linear: subjectivity results from the assimilation of socio-cultural experiences and the accompanying narrative communication. Self-consciousness of the Self arises from the socialization of the individual through reflexive self-description. Thus, it engenders a "strange loop" (as described by Hofstadter), in which the inner becomes entwined with the outer, and the social intertwines with the individual. In this way, the possessor of self-consciousness gains a broader worldview extending beyond physical existence. This expanded perspective not only facilitates responses to situationality but also enhances the potential to proactively pre-adapt to one's environment. Selfhood is a flexible entity, receptive to new content, capable of self-modification, and open to change. The primary identity of the self-aware individual is the self-sufficient personality without any specific characteristics. Human existence is marked by absence, lack, loss, and an aspiration for change. It resembles an emptiness that defies classification, a drifting surplus that connects the unconnected. In this context, the article places particular emphasis on the apophatic nature of sense formation. Pauses, intervals, breaks, and gaps give rise to signs within the backdrop of non-existence. Subjectivity functions as a 'user of voids', serving as a metacontext, a source, means, and outcome of sense formation. It exists as a gap within being, an inherent incompleteness ready for completion and replenishment. In this regard, personal agency manifests as a universal interface, potentially facilitating infinite interconnections across contexts. This interface facilitates interactions between the tangible reality we inhabit and any conceivable alternative worlds. It enables transitions from physical reality to the realm of imagination and vice versa, or even simultaneous consideration of both.

Keywords: *apophatic, deep semiotics, culture, pragmasemantics, self-consciousness, sense, subjectness*

The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an interface and operational system of sense formation" carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.

References

- Asmolv, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M., 2018. *Preadaptatsiya k nepredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, 212 p. (in Russ.).
- Badiou, A., 2007. *Being and Event*. New York: Continuum, 526 p.



- Bakhtin, M. M., 1986. To the philosophy of action. In: *Filosofiya i sotsiologiya tekhniki. Ezhegodnik. 1984 – 1985* [Philosophy and sociology of technology. Yearbook. 1984 – 1985]. Moscow, pp. 80 – 160 (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 424 p. (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1989. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 608 p. (in Russ.).
- Brodsky, I. N., 1973. *Otritsatel'nye vyskazyvaniya* [Negative statements]. Leningrad, 104 p. (in Russ.).
- Da Vinci, L., 2010. *Izbrannye proizvedeniya Leonardo da Vinci* [Selected works Leonardo da Vinci]. Vol. I. Moscow: Art. Lebedev Studio Publishing House, 444 p. (in Russ.).
- Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York, 384 p.
- Epstein, M. N., 2004. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Gap sign. On the future of the humanities]. Moscow, 864 p. (in Russ.).
- Fomin, I. V. and Ilyin, M. V., 2019. Social Semiotics: Paths Towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 25 (4), pp. 123 – 141, <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822> (in Russ.).
- Frege, G., 1891. *Function and Begriff. Vortrag gehalten in der Sitzung vom 9. Januar 1891 der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft*. Jena, 1891.
- Frege, G., 1892a. Über Begriff und Gegenstand. *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, Bd. XVI, pp. 192 – 205.
- Frege, G., 1892b. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 100, pp. 25 – 50.
- Frege, G., 1918–1919. Der Gedanke: Eine logische Untersuchung. *Beiträge zur Philosophie des Deutschen Idealismus*, Bd. I. Erfurt, pp. 58 – 77.
- Galloway, A. R., Thacker, E. and Wark, M., 2014. *Excommunication. Three inquiries in media and mediation*. Chicago: The University of Chicago Press, 216 p.
- Goffman, E., 2004. *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frames Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience]. Moscow (in Russ.).
- Heidegger, M., 2015. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow (in Russ.).
- Henrich, D., 2018. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub'ektivnosti* [Thinking and being. Readings about subjectivity]. Moscow (in Russ.).
- Hofstadter, D., 2022. *Ya – strannaya petlya* [I am a strange loop]. Moscow, 512 p. (in Russ.).
- Ilyin, M. V., 2020. Logonomic Systems: Reflection, Meaningfulness and Verbalization of Action. In: *Sotsial'naya semiotika: točki rosta* [Social semiotics: points of growth]. St. Petersburg, pp. 30 – 32 (in Russ.).
- Kiyashchenko, L. P., ed., 2022. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk, 420 p. (in Russ.).
- Kurennoy, V., 2018. *Semanticheskii treugol'nik Gotloba Frege* [The Semantic Triangle of Gottlob Frege]. Available at: <https://postnauka.ru/wtf/154781> [Accessed 1 February 2023] (in Russ.).
- Latour, B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow (in Russ.).
- Losev, A. F., 1999. *Filosofiya imeni / Samoe samo: Sochineniya* [Philosophy of the name / The most self: Essays]. Moscow, 1024 p. (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 2000. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg, 704 p. (in Russ.).
- Magun, A., 2013. *Negative Revolution. Modern Political Subject and Its Fate after the Cold War*. London; New-York: Bloomsberry, 288 p.



Magun, A. V., 2020. *Iskus nebytiya: Entsiklopediya dialekticheskikh nauk. Tom 1. Ot-ritsatel'naya estetika* [Temptation of Non-Being: Encyclopedia of Dialectical Sciences. Volume 1. Negative aesthetics]. St. Petersburg, 462 p. (in Russ.).

Nalimov, V. V., 1974. *Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov* [Probabilistic model of the language. On the relationship between natural and artificial languages]. Moscow, 272 p. (in Russ.).

Nalimov, V. V., 2007. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow, 198 p. (in Russ.).

Nevvazhay, I. D., 2023. Sense of sign and sense of meaning in epistemology. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 71, pp. 29–38, <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/4> (in Russ.).

North, D. C., Wallis, J. J. and Weingast, B. R., 2011. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, 480 p. (in Russ.).

Pavlova, V. D. and Chupahin, N. P., 2014. Philosophy of meaning to philosophy of culture. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 5(21), pp. 50–55, <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1405> (in Russ.).

Saussure, F. de, 1999. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics]. Ekaterinburg (in Russ.).

Shuripa, S., 2021. *Deistvie i smysl v iskusstve vtoroi poloviny XX veka* [Action and Meaning in the Art of the Second Half of the 20th Century]. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).

Sokolov, E. V., 1972. *Kul'tura i lichnost'* [Culture and personality]. Leningrad, 228 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., 2018. The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics. *Slovo. ru: Baltic accent*, 9 (4), pp. 15–26, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-2> (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., 2019a. Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the "Deep Semiotics" Concept. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 115–125, <https://doi.org/10.31857/S004287440007358-8> (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., 2019b. *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla* [The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning]. St. Petersburg, 470 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., 2022a. Apophatic and Institutionalization: Pragma-Semantic Analysis. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 3, pp. 29–48, <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.3.2948> (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., 2022b. From Slinin to Carroll and Back: Apophaticism and Nonsense as Preliminaries for Logical Analysis. *Logiko-filosofskie studii* [Logical and philosophical studies], 20 (2), pp. 23–53 <https://doi.org/10.52119/LPHS.2022.32.65.012> (in Russ.).

Tulmin, S., 1984. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Moscow, 328 p. (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2021. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In: A. Haselow and S. Hancil, eds. *Studies at the Grammar-Discourse Interface*. Amsterdam: J. Benjamins Publ., pp. 245–271.

Zolyan, S. T. and Tulchinskii, G. L., eds., 2022. *Mezhdru mirom i yazykom: tekst i smysl v kommunikativnom kontekste* [Between Language and World: Meaning and Text Within a Communicative Space]. Kaliningrad (in Russ.).



Zolyan, S. T., 2023a. Pragmatics as a Self-Generation of a Subject-on-Its Own. *Vo-prosy filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 93–103, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023b. "I" as a Subject of Self- and Other-Reference: A Linguistic Perspective. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, pp. 26–39, <https://doi.org/10.31912/pvri-2023.2.2> (in Russ.).

The author

Dr. Grigorii L. Tulchinskii, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Saint Petersburg State University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G. L., 2023, The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.



SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))